

ХОЗЯЙКА ЧЕРНОГО БОРА

Нина Прудникова

18+

Нина Прудникова

ХОЗЯЙКА ЧЕРНОГО БОРА

<https://litres.ru/74535193>

SelfPub; 2026

Аннотация

Чёрный Бор хранит больше тайн, чем готовы признать люди.

Когда героиня оказывается на его границе, ей приходится столкнуться с древними следами, странными знаками и голосом прошлого, который невозможно не услышать. Но у каждого дара есть цена, а у каждой тропы — свой конец.

«Хозяйка Чёрного Бора» — атмосферная история о лесе, памяти, выборе и силе, которую невозможно получить, не изменившись.

Содержание

ПРОЛОГ. ЧЕРНЫЙ ОМУТ	4
ГЛАВА 1. ДИТЯ В ЛИСЬЕЙ ШАПКЕ	13
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Нина Прудникова ХОЗЯЙКА ЧЕРНОГО БОРА

ПРОЛОГ. ЧЕРНЫЙ ОМУТ

Сумерки опускались на Верхние Ветлы медленно, словно нехотя. Воздух в исходе июля стоял густой, липкий от пыли и смолистого духа сосновой стружки. На гумне дотемна гремели молотила, бабы таскали в подолах опавшие яблоки, а мачехин голос — скрипучий, как немазаное тележное колесо — не смолкал ни на минуту:

— Агашка! Где тебя лешие носят? Опять холсты не ката-ны, а у корыта помой скисли! Шевелись, пустодомка, кому говорят!

Агафья стояла у плетня, вцепившись пальцами в шершавые ивовые прутья. Руки ее гудели от стирки, на ладонях от щелока полопалась кожа. В деревне ее жизнь была расписана на двадцать лет вперед: крик мачехи, побои захмелевшего к праздникам отца, тяжелая работа от первых петухов до полуночи, а по осени — свадьба с каким-нибудь вдовым бобылем, которому в избу нужна дармовая работница.

Она сдержнула с головы полинялый ситцевый платок,

встряхнула тяжелой, темной косой и, не оглядываясь на оклики, скользнула в заросли крапивы за огородами. Ноги сами несли ее вниз по оврагу, где кончались деревенские межи и начиналась глухая, вековая стена Черного бора. Там текла речушка Вьюница, сворачивая в тихий глубокий омут под старыми ветлами. Там не было запаха навоза и кислой капусты. Там пахло влажной мятой, речным илом и свободой.

Он ждал ее у Черного ручья.

Она так и не узнала его настоящего имени. Он появлялся без звука — только ветви папоротника раздвигались в тишине. Был он высок, худ и строен, а лицо его казалось высеченным из гладкого речного камня. В сумерках глаза незнакомца отливали тяжелым, глубоким золотом, как застывшая на коре смола. От него пахло прелой листвой, первым инеем и чем-то древним, от чего у Агафьи замирало сердце — то ли в сладком восторге, то ли в слепом, первобытном ужасе.

— Опять прячешься от своих? — не оборачиваясь, спросил он. Голос его звучал как шелест молодых листьев на ветру — мягко, обволакивающе, отбирая всякую волю к сопротивлению.

— Они мне не свои, — выдохнула Агафья, медленно подходя ближе. Вся ее робость перед чужаком таяла, стоило лишь вдохнуть этот странный дурман — смесь горькой полыни, талой воды и первого снега. — Тошнит меня от них. От избы, от речей пустых, от работы бесконечной. Кажется,

кабы птицей была — в небо бы ушла и не вернулась.

Мужчина поднялся. Он был высок, тонок в кости, но в каждом его неторопливом движении чувствовалась скрытая, звериная мощь. Он шагнул к ней, и Агафья невольно отступила на полшага, но он протянул руку и кончиками пальцев коснулся ее горячей щеки. Пальцы его были прохладными, словно родниковая вода в знойный полдень. От этого прикосновения по спине девушки побежали сладкие, пугающие мурашки.

— Птицей быть не трудно, — тихо произнес он, глядя ей прямо в глаза. В золотистых зрачках колыхались крошечные искры. — Трудно найти того, кто не захочет посадить тебя в плетеную клеть. Люди любят клетки, Агафья. Они строят их из бревен, из законов, из своих нелепых страхов. Разве ты создана для клетки?

— Нет... — прошептала она, чувствуя, как слабеют колени.

— Тогда почему дрожишь?

— Боюсь тебя. Баюют в деревне, что в омуты нечисть водится. Что морок наводят, в трясину заманивают...

Он негромко рассмеялся — звук был похож на перекачивание мелких речных голышей:

— Разве я тяну тебя в трясину? Посмотри на меня. Разве зло приходит с такими глазами?

Он взял ее огрубевшие, натруженные ладони в свои, поднес к губам и поцеловал каждую ссадину, каждый след от

щелока. Это было так непохоже на неуклюжие щипки деревенских парней на игрищах, так ново и нежно, что у Агафьи перехватило дыхание. В груди разлилась горячая волна, вытесняя остатки рассудка.

— Кто ты? Скажи мне хотя бы имя... Откуда ты приходишь? Где твой дом?

Он чуть склонил голову, и в его янтарных глазах блеснула мягкая, насмешливая прохлада:

— У ветра нет имени, Агафья, а травы не спрашивают реку, как ее зовут. Имена нужны людям, чтобы запирать друг друга в слова, как в плетеные клетки. Для птиц я — тень в кронах, для зверей — шорох в малиннике. Не ищи для меня человеческого слова. Зачем тебе пустое имя, когда шумит бор?

В голосе его не было человеческого тепла, но каждое слово падало на душу Агафьи сладким, пьянящим дурманом. В деревне ее учили бояться некрещеного, батюшка в часовне страшал карой за любые лесные шашни, но сейчас, глядя в бездонные золотые глаза, она забыла и крест, и страх. Если перед ней стоял сам древний Хозяин этих чащоб — безымянный, грозный и прекрасный, — она готова была без оглядки шагнуть в его морок.

В тот вечер он впервые привлек ее к себе, и его прохладные губы коснулись ее губ — сначала осторожно, словно пробуя на вкус, а затем с жадной, пьянящей страстью. Агафья потеряла счет времени. Земля ушла из-под ног, шелест ветра заполнил весь мир, а мягкий ковер из папоротника и

мха показался мягче пуховой перины. В ту ночь между ними сгорели все запреты. Это была не просто греховная близость деревенской девки и бродяги — это было единение живой, изголодавшейся по любви человеческой плоти с дикой, древней стихией, не знающей стыда. Агафья отдала себя без остатка, опьяненная лаской, шепотом речей и обещаниями вечной свободы.

Они встречались у омута еще три недели. Каждый вечер превращался в сладкую сказку, ради которой Агафья терпела любые попреки мачехи. Но с каждой ночью незнакомец менялся. Его объятия становились все холоднее, в поцелуях сквозила странная, ненасытная жажда, а ласковые слова сменялись долгим, тяжелым молчанием.

А потом пришла ночь полнолуния.

Туман поднялся над рекой выше человеческого роста, белесыми клочьями цепляясь за кусты. Воздух стал промозглым, ледяным, пахло тиной и гниющим деревом. Незнакомец стоял у самой кромки воды, спиной к ней.

— Ты припозднился, — попыталась улыбнуться Агафья, подходя ближе и кутаясь в платок. Ее бил озноб, дурное предчувствие тяжелым камнем давило на сердце. — Я тебя целый час ждала. Дома шум поднимут, мачеха за косы от-таскает...

Он медленно повернулся. И Агафья застыла на месте, похолодев от ужаса.

Перед ней стоял все тот же мужчина, но лицо его изме-

нилось. Кожа посерела, на висках проступили темные прожилки, похожие на трещины в засохшей коре, а золотые глаза горели мертвым, нечеловеческим огнем. В них больше не было ни капли той нежности, что кружила ей голову.

— Наш срок вышел, — сказал он, и голос его прозвучал глухо, словно из глубокого подземелья.

— Как... вышел? — Агафья судорожно сглотнула, чувствуя, как к горлу подступает тошнота. — Ты уходишь? Возьми меня с собой! Я все брошу, я в лесу с тобой жить стану, любую долю приму!

— Человек не может жить там, где дышу я, — жестоко оборвал он. — Ты дала мне то, за чем я пришел. Твое тепло согрело мертвое лоно бора.

— О чем ты говоришь?..

Он шагнул вперед так стремительно, что Агафья не успела отшатнуться. Его пальцы сомкнулись на ее плече мертвой хваткой. Это были уже не прохладные руки любовника — пальцы стали жесткими, как дубовые сучья, а ноготь на указательном пальце вытянулся в черный, острый шип.

— Ты носишь в себе семя, женщина, — прошептал он ей в самое ухо, обжигая холодом ледяного дыхания. — Оно взойдет в положенный срок. Девять лун ты будешь беречь мою кровь.

Прежде чем она успела вскрикнуть, он с силой вонзил темный шип в ее тело чуть выше левой ключицы.

Боль была чудовищной, обжигающей, будто в живое мя-

со плеснули раскаленным свинцом. Агафья забилась в его хватке, слезы хлынули из глаз, крик застрял в перехваченном горле. Незнакомец медленно вел когтем по ее коже, вырезая на ней узор — сплетение извивающихся древесных корней. Кровь брызнула на его рубаху, закапала в темную речную воду, и вода в омуте мгновенно закипела мелкими пузырями.

— Когда высохнет столетний дуб на перекрестке — я приду за своей плотью, — его губы растянулись в жутком, хищном оскале. — Растеи ее. Береги от людей. Она принадлежит лесу.

Он разжал пальцы. Агафья рухнула на колени во влажный ил, прижимая окровавленную ладонь к пылающей ключице.

— Пощади... — прохрипела она, задыхаясь от боли и рыданий. — За что?..

Ответа не было. Поднялся внезапный, свирепый порыв ветра, закружил сухие листья, взметнул туман. Когда Агафья подняла заплаканные глаза, берег был пуст. Лишь черная рябь ходила по омуту, да в воздухе стоял удушливый запах могильного тлена и серы.

В деревню она вернулась на рассвете, перепачканная илом, с безумным взглядом и кровоточащей раной на груди. Рана затянулась к вечеру, но на ее месте остался безобразный, багрово-сизый шрам в форме переплетенных корней, который нестерпимо ныл при каждом ударе сердца.

Через три недели Агафья поняла: семя принялось. Ее тошнило от запаха печеного хлеба, кружилась голова, а под

сердцем поселилась чужая, пугающая тяжесть. В деревне незамужнюю девку с брюхом ждали позор, смоляные ворота и вечная травля. Но страшнее людского суда был шепот, который она слышала по ночам из темных углов избы: «Береги плод...». Голос не был похож на скрипучий шёпот домового — он звучал глуше, глубже, словно поднимался из-под земли, из самых корней, что тянулись под стенами избы к Чёрному бору.

Спасение пришло в лице соседа — охотника Игната.

Игнат был крепким, сильным мужиком под тридцать, с открытым обветренным лицом и спокойным, ясным взглядом. Жил он бобылем на самом краю деревни, промышляя пуш-ниной и дичью. Он давно заглядывался на черноокую Агафью, да все не решался подойти, считая себя недостойным: в избе его пахло порохом да вяленным мясом, а обходиться с девками по-праздничному он не умел.

Когда Агафья сама пришла на его двор на закате — бледная, исхудавшая, с потупленным взором — Игнат строгал топорище на завалинке и от неожиданности выронил нож.

— Игнатушка, — тихо сказала она, глядя в мерзлую землю, чтобы он не увидел в ее глазах ледяного отчаяния. — Баяют бабы, жениться ты надумал. А мне в отчем доме житья нет. Возьми меня в жены... Век верной буду, слова дурного не скажу.

Игнат опешил. Он поднялся, не веря собственному сча-стьем, осторожно коснулся ее дрожащего плеча широкой, го-

рячей ладонью:

— Да разве ж ты пойдешь за меня, Агаша? Я ж мужик простой, лесной, обходиться не обучен...

— Пойду, — твердо ответила она, подняв на него полные слез глаза. — Хоть завтра под венец. Только уведи меня из этого дома.

Свадьбу сыграли до Спаса, без лишнего шума. Игнат носил молодую жену на руках, не чаял в ней души и не заметил, как быстро округлился ее живот под широким поневом. А когда на исходе весны Агафья в страшных муках родила девочку, Игнат стоял на коленях у лавки, гладил ее мокрые от пота волосы и плакал крупными, светлыми слезами:

— Господи, спасибо тебе... Доченька моя. Крошечка. Дарованная она нам с тобой, Агашенька. Божий дар... Дарой назовем.

Агафья же лежала, отвернувшись к бревенчатой стене, кусая губы до крови, чтобы не закричать от немого ужаса.

Она видела.

Когда бабка-повитуха обмывала младенца теплой водой, на крошечном, нежном плечике новорожденной девочки отчетливо проступило родимое пятно — точный, багровый рисунок извивающихся корней. Семя возшло. Чудовище из Черного омуты оставило на ее дитяти свою метку.

ГЛАВА 1. ДИТЯ В ЛИСЬЕЙ ШАПКЕ

Зимы в тот край приходили рано, оседая на сосновых лапах тяжелым, хрустким серебром.

Игнат возвращался с дальних петель в сумерках. Широкие охотничьи лыжи, подбитые лосиным камусом, мягко шуршали по плотному насту. В свои тридцать пять он был мужиком в самом соку — плечистым, кряжистым, с чистым румянцем во всю щеку. В его густой русой бороде таежные ветра посеребрили лишь пару ранних волосков. За плечами покачивалась связка беличьих шкурок и пара глухарей с заиндевевшими перьями. Мороз драл щеки, но на душе у охотника было светло и жарко: впереди, за темной полосой ольшаника, уже светились желтые оконца Верхних Ветел.

Там, в крайней избе у оврага, топилась печь. Там ждала его шестилетняя Дара.

Он распахнул низкую дубовую дверь, впуская в сени клубы морозного пара, сбросил лыжи и тяжело опустил добычу на лавку.

— Агаша! Дома ли?

Из теплого нутра горницы пахнуло сушеными грибами, ржаным узваром и дегтем. Но первой навстречу выбежала не жена. Топоча крошечными валенками, из-за печной занавес-

ки выскочила худенькая девочка в длинной холщовой рубахонке. Большие серые глаза ее, казавшиеся на худом личике бездонными, вспыхнули чистым восторгом.

— Тятка! Пришел!

Игнат крикнул от удовольствия, подхватил ее сильными руками под мышки и подбросил к самому закопченному потолку. Девочка звонко, заливисто рассмеялась, вцепившись ручонками в его заснеженный тулуп.

— Пришел, лапушка моя, пришел! — приговаривал он, утыкаясь носом в ее теплый, пахнущий медом и дымом затылок. Опустив дочку на лавку, Игнат с таинственной улыбкой полез в холщовый походный мешок: — А гляди, чего я тебе из самого сердца тайги принес!

Он бережно извлек на свет крошечную шапчонку — сшитую из пышного, огненно-рыжего лисьего меха, с мягкими треугольными ушками и теплой подкладкой из заячьего пуха. Игнат сам выделал шкурку молодой лисицы, сам тачал ее долгими зимними вечерами на охотничьей заимке.

— Примерь-ка! К первым лютым морозам справил, чтоб ушки мои ненаглядные не мерзли.

Дара ахнула, бережно взяла шапку ручонками и натянула на голову. Пышный лисий мех лег вокруг ее бледного личика огненным венцом, мягкие ушки задорно встали на макушке, а серые глазищи с золотыми искрами блеснули из-под рыжей опушки с такой дикой, чистой лесной прелестью, что Игнат от восторга хлопнул ладонью по колену:

— Ну вылитый лисенок! Настоящее дитя в лисьей шапке! Весь бор тебе кланяться станет!

— Не балуй девку, Игнат, — раздался от печи сухой, надтреснутый голос.

Агафья стояла у ухвата, и лицо ее было блее свежего снега. Она смотрела на Дару в лисьей шапке с затаенным, суеверным ужасом: в рыжем мехе девочка казалась чужой, вышедшей из лесной чащобы тварью, у которой человеческого не было ни следа. Рука Агафьи судорожно метнулась к вырезу рубахи, проверяя, плотно ли спрятан под воротом старый рубец.

— Чего не баловать-то, мать? — добродушно отмахнулся охотник, сажая дочку на колени прямо у стола. — Одна она у нас с тобой. Радость моя ненаглядная.

Дара прижалась щекой к его колючей бороде, погладила мягкое лисье ушко на шапке и вдруг зашептала отцу на ухо:

— Тять, а под печью дедушка сердится. Говорит, ты снег с сапог в избе оставил, лужу натекло.

Игнат замер, а ухват в руках Агафьи с глухим звоном ударился о чугунок.

— Что мелешь, неслушница? — резко обернулась мать, и в голосе ее прозвенел сдавленный испуг. — Какой еще дедушка под печью? Опять выдумки свои заводишь?

Девочка сжалась, втянула голову в рыжий мех и спрятала лицо на груди отца. Игнат нахмурился, укоризненно глянул на жену:

— Полно тебе, Агаша, на дитя кричать. Мало ли что при-
видится в темноте? Дети завсегда со сверчками да с тенями
бают. Не пугай ее.

Но сам Игнат невольно скосил глаза на темный угол под
шестком. Там, в глубокой тени за поленницей, послышался
легкий, сухой шорох — словно сухой веник сам собой скреб
по полу.

На следующий день Игнат взял Дару с собой на кузницу
к Гордею.

Кузница стояла на самом краю деревни, у ручья. Над кры-
шей вился густой сизый дым, пахло раскаленным железом,
окалиной и березовым углем. Звон молота разносился по
всей округе — размеренный, гулкий, уверенный.

— Здорово, кузнец! — крикнул Игнат, пригибаясь в низ-
ких дверях.

У наковальни стоял Гордей — кряжистый, широкоплечий
мужик с седой бородой-лопатой и руками толщиной с моло-
дые березы. Гордей жил бобылем: его жена, тихая и светлая
Настасья, сгорела от тяжелой болотной лихорадки, когда их
сыну Мирону едва исполнилось пять лет. Гордей так и не
привел в дом другой хозяйки — тосковал по покойной, всю
нерастраченную душу вложив в сына и в кузнечное ремесло.
Изба кузнеца была просторной, но пустой без женских рук:
пахло в ней не пирогами, а каленым железом, сухим табаком
и конской сбруей.

Рядом с отцом, орудуя тяжелыми кожаными мехами, ра-

ботал девятилетний Мирон. Был он худым, жилистым, с темным вихром волос, упрямым подбородком и перемазанным сажей носом.

Увидев Дару в лисьей шапке, мальчишка перестал качать мехи и застенчиво вытер руки о кожаный фартук.

— Дядя Игнат пожаловал, — Гордей отложил клещи, отер рукавом мокрый лоб и тепло улыбнулся, глядя на девочку. В глазах старого кузнеца мелькнула затаенная грусть: — А с ним и лисичка лесная. Здорово, егоза! Эх, Игнат, гляжу я на твою девчушку и Настасьюшку свою поминаю... Такие же глаза у нее были ясные, как небо весеннее. Не хватает в избе женского тепла. Одичали мы с Мироном совсем среди наковален.

— Ничего, Гордей, — хлопнул друга по плечу охотник. — Мирон вырастет, сам в дом хозяйку приведет. Парень справный, весь в тебя пошел.

Мирон между тем молча полез в карман холщовых штанов и вытащил маленькую кованую птичку — еще теплую, на железных ножках, с завитками вместо крыльев.

— На, — буркнул Мирон, протягивая поделку Даре. — Сам ковал, пока тятка лемех грел. Она не сломается.

Дара несмело взяла птичку обеими ручонками, погладила пальчиком шершавое крыло:

— Она летать хочет, Миронушка. Только крылышки тяжелые.

Мужики переглянулись и добродушно рассмеялись. Гор-

дей потрепал сына по смолянному вихру:

— Слыхал, подмастерье? Тяжело железо для полета! Ладно, айда лемех глядеть, а то весной пахать нечем будет. А вы, мелюзга, бегите во двор, только к полынье не суйтесь.

Дети выскочили на снег. Мирон шел впереди, важно засунув руки в карманы фартука, а Дара семенила следом. У забора сидела стая нахохлившихся воробьев. Девочка остановилась, протянула к ним ладошку — и птицы, вместо того чтобы взлететь при виде людей, дружно спорхнули с жердей и облепили ее рукава, рыжую шапку и плечи, весело чирикавая.

Мирон замер на месте, раскрыв рот:

— Ты как это?.. Они ж дикие!

— Они не дикие, — тихо ответила Дара, не двигаясь, чтобы не спугнуть птичий пух. — Они говорят, что метель к вечеру придет. Волки с дальних болот к деревне тянутся, есть хотят...

Мирон подошел к ней ближе. В его мальчишеском взгляде не было страха — только жгучее любопытство и неожиданная, взрослая серьезность. Он осторожно тронул пальцем перышко сидевшего на ее варежке воробья:

— А про меня они что говорят?

Дара подняла на него глаза — чистые, серые, с крошечными золотыми крапинками в глубине зрачков:

— Говорят, ты добрый. И огонь тебя не жжет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.